

Makyeshyna Yuliya, Dnepropetrovsk State Institute
of Physical Culture and Sports, Ph. D., Social - Humanities Department,

Vlasova Tatyana, Dnepropetrovsk National University
of Railway Transport named after Academician V. Lazaryan,
Professor, Doctor of Philosophic Sciences,
Philology and Translation Department

Maternity as a performative practice in the discourses of poststructuralism

Abstract: The postmodern approaches are under analysis with the focus on the reception of maternal subjectivity presented in the poststructural thought as being diverse and changeable.

Keywords: maternity, performativity, subject, identity, discursive practice, gender.

Макешина Юлия, Днепропетровский государственный институт
физической культуры и спорта, кандидат философских наук,
кафедра социально-гуманитарных наук,

Власова Татьяна, Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна, профессор,
доктор философских наук, кафедра филологии и перевода

Материнство как перформативная практика в современных концепциях постструктуралистов

Аннотация: В статье рассматривается постмодернистский взгляд на активную природу материнства и рецепция материнской субъективности как разнообразной и изменчивой в концепциях постструктуралистов.

Ключевые слова: материнство, перформативность, субъект, идентичность, дискурсивная практика, гендер.

Обращаясь к перформативности, столь важной в данном анализе, необходимо, на наш взгляд, остановиться на некоторых определениях. «Культурный перформанс» – это, как полагает известный социолог Дж. С. Александер, социальный процесс, с помощью которого акторы индивидуально или во взаимодействии друг с другом выражают смысл их социальной ситуации. Этот смысл может быть или не быть ими самими субъективно разделяемым; это смысл, в который они как социальные акторы (сознательно или бессознательно) хотят, чтобы верили другие [1].

Перформативность, с точки зрения социологов, означает распространяющиеся практики формирования виртуальной реальности, которые предполагают использование разного рода спектаклей, манипулятивных технологий для воздействия на сознание людей, побуждая их идентифицироваться с конкретными политиками [9, с. 245].

Несколько иное понимание перформативности предлагают философы-постмодернисты: понимание, тесным образом связанное с лингвистикой. Перформативность в лингвистике – свойство высказывания, когда его воздействие на референт совпадает с самим высказываем; по Лиотару, перформативность – главный критерий постмодернистского мира, близкий понятиям «эффективность» и «продуктивность». Лиотар утверждает, что перформативность – это средство легитимации научного знания в условиях постмодерна, когда утрачивается влияние традиционных референтов в виде нарративов. «Революционно-авангардистская концепция искусства не как общественного института, а как действия, стратегии, перформанса, производства – все это еще раз превращается в гротескную карикатуру поздним капитализмом, для которого, как указал Ж.-Ф. Лиотар, имеет значение только принцип перформативности», – пишет авторитетный теоретик-неомарксист Т. Иглтон [8].

Возвращаясь к перформативности в феминистских теориях, а именно к рассмотрению конструктивизма и перформативности, следует подчеркнуть: идея о том, что опыт можно отделить от его конструирования, – заблуждение, поскольку не существует «чистый, реальный опыт». Но последнее не значит также, что материнская субъективность только «конструируется». Исследователи отмечают проблематичность термина «конструирование», поскольку он

не может означать как полный и закрытый процесс, так и предполагать существование «предискурсивного субъекта», и именно это, по мнению теоретиков, следует избегать.

Батлеровская идея перформативности, практика повтора и цитации, посредством которой дискурс продуцирует эффекты, которые он именуется, позволяет уйти от подобной фиксации и (что принципиально важно) представляет возможность прерывания и разрыва подобного дискурсивного производства. Батлер понимает гендер как «совершение» («doing»). «Не существует гендерной идентичности, перформативно учреждаемой теми выражениями, которые полагаются ее результатами». Понимать материнство таким образом означает открыть концептуальное пространство для материнства как практики, утверждает Э. Иеремия [5, с. 25]. Подобный подход, как уже отмечалось, сам по себе является прогрессивным, поскольку традиционная философия, рассматривает материнство как пассивное состояние. Также предполагается, что материнское поведение может быть трансформативным и разрушительным. М. Чэндлер, подхватывая идею перформативного материнства, утверждает: «мать» нужно понимать как глагол, как нечто, что кто-то совершает. Присоединяясь к Батлер, она пишет: «Быть матерью значит разыгрывать материнство» [4].

Материнское поведение, рассматриваемое в таком русле, несомненно, содержит потенциальный подрыв доминирующих дискурсов материнства. Понимание материнства в таком ключе открывает пространство для идеи о материнской «деятельности», «свободе воли» («агенсу»). По Батлер, последнее означает вариации повтора практик, составляющих гендер, который конституирует «агенсу», то есть варьировать повтор материнских практик означает влиять на материнскую деятельность.

То, что «гендерное тело» является перформативным, предполагает, что у него нет иного онтологического статуса кроме различных актов, составляющих его реальность. Последнее также предполагает, что если эта реальность фабрикуется как внутренняя сущность, то именно это «внутреннее» есть эффект намеренно публичного и социального дискурса, публичного регулирования фантазии посредством поверхностных политик тела, контроля гендерной границы, которая различает внутреннее и внешнее, учреждая таким образом

«целостность» субъекта [3, с. 173]. То, что гендерная реальность создается посредством поддерживаемых социальных перформансов, означает, что само понятие эссенциального пола и истинной маскулинности или фемининности составляет часть стратегии, скрывающей перформативный характер гендера. Гендер не может быть истинным или кажущимся, оригинальным или заимствованным, утверждает Батлер [4, с. 180]. Само предписание «быть» данным гендером происходит дискурсивными способами: быть хорошей матерью означает множество гарантий в ответ на разнообразие различных требований. Конвергенция подобных дискурсивных предписаний производит, по утверждению Батлер, сложную конфигурацию, «передислокацию», и не трансцендентальный субъект дает возможность действовать в подобной конвергенции. «Не существует «Я», предшествующего этой конвергенции, того, кто поддерживает «целостность», предшествующую вхождению в это конфликтное культуральное поле. Существует лишь возможность подобрать инструменты, которые лежат там, где само «подбирание» становится возможным благодаря инструменту, лежащему именно там» [4, с. 185]. То, что идентичность является эффектом, означает, по Батлер, что она не является «фатально» определенной или полностью искусственной. То, что конструируемый статус идентичности понимается неверно в этих конфликтующих направлениях, указывает на те пути, в которых феминистский дискурс оказался в ловушке ненужного бинаризма свободной воли и детерминизма. Конструктивизм не противостоит деятельности, он, пишет Батлер, является необходимой сценой деятельности, теми терминами, которые артикулируют деятельность и которые делают ее культурно интеллигибельной.

Если идентичности более не являются неизменными, а политики более не понимаются как набор практик, извлеченных из предполагаемых интересов, принадлежащих набору «готовых» субъектов, новая конфигурация политики несомненно возникает на руинах старой, уверена Батлер.

Понимание материнства как перформативности не означает понимание его в сугубо дискурсивных терминах, что является очевидным, поскольку материнский опыт и его конструирование неразделимы. Материальность материнства связана с его дискурсивными характеристиками, но важно также то, что язык и материальность не являются полностью идентичными, не

являясь также полностью различными. То есть материальные практики материнства, действия, производимые матерями, не могут быть тем основанием, на котором конструируется теория материнства. Материальность, по Батлер, – это самоконструкт, ее нельзя отделить от процессов сигнификации, поскольку язык и является материальным, и относится к тому, что материально [4, с. 68]. Следовательно, доказывать материнскую перформативность не означает игнорировать «материальное», скорее, это означает прокладывать путь для дискурсивной (и перформативной) переоценки материальных действий материнства и материнских практик.

Одна из главных целей (пост)современных исследований гендера в целом и материнства, в частности, заключается, на наш взгляд, в определении гендерной идентичности/субъективности матери. Именно в этом ключе столь важными представляются теоретические работы Дж. Батлер. Но в подобном анализе также важно показать, как идентичность «работает» в обычных социальных условиях ежедневной жизни. И здесь исследователи приходят к выводу: материнство в значительно большей степени является непосредственной составляющей частью идентичности женщины, чем отцовство – мужчины. Ученые фокусируют свое внимание на том, как тема гендера нормализуется в условных дискурсах, скрывающих признание его (гендера) глубокой личной власти, а также его воплощения во властных отношениях. Многие ученые (Л. Николсон, Ч. Лемерт и др.) проблематизируют идею о том, что идентичность зависит от сильного дискурса «Я» («Self») или сильного представления о коллективном «Мы». При этом эссенциалистское мышление полагается как подрывающее современную озабоченность проблемами «Self» и последующей моральной слабостью и бессилием [7, с. 5].

В 90-х годах ряд теоретиков новой волны подвергает резкой критике само слово «женщина». Свои в высшей степени влиятельные идеи Дж. Батлер развивает в книге «Bodies that Matter», утверждая, что сама материя (материя, из которой состоят тела) – это ничто иное, как результат «процесса материализации, который со временем стабилизируется для производства эффекта граничности, фиксированности и поверхности, что мы и называем материей» [2, с. 9].

Безусловно, в постструктуралистской гендерной теории Батлер слово «гендер» употребляется вместо слова «женщина», вернее «женщина» и «гендер» используются как синонимы.

В результате последнего, как пишет Т. Мои, «женщины разлучены со своими телами», то есть «женщина» превращается в дискурсивный и перформативный «эффект» [6, с. 178]. С другой стороны, как уже отмечалось выше, слишком велика опасность эссенциализма и биологического детерминизма, и, чтобы избежать отмеченную опасность, необходимо крайне осторожно относиться к тому утверждению, что биология является источником социальных норм.

В то же время нам представляется, что не стоит умалять значение биологии в качестве своего рода фундамента для последующей социальной конструкции: категория «женщина» сама по себе не является абсолютным «идеологическим конструктом». С другой стороны, не стоит отрицать, что сексизм стремится навязать этой категории всевозможные идеологии. И этот «сдвиг» от психоаналитических или феноменологических теорий субъективности к понятиям гендера, «регуляторных дискурсов» и «перформативности», – что является частью общей постструктуралистской критики субъекта, – значительно повлиял в том числе и на анализ «агента» материнства.

Список литературы:

1. Alexander J. C. Social Science as Reading and Performance: A Cultural Sociological Understanding of Epistemology / Jeffrey C. Alexander // *European Journal of Social Theory*. – 2009. – № 12(1). – P. 21 – 41.
2. Butler J. *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex»* / Judith Butler. – London: Routledge, 1993. – 95 p.
3. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity* / Judith Butler. – New York: Routledge, 1990. – 92 p.
4. Chandler M. *Queering Maternity* / Mielle Chandler // *Journal of the Association for Research on Mothering*. – 1999. – № (1,2). – P. 21 – 32.
5. Jeremiah E. *Motherhood to Mothering and Beyond* / Emily Jeremiah // *Journal of the Association for Research on Mothering*. – 2006. – Vol. 8. – № 1 – 2. – P. 21 – 156.

6. Moi I. *Sexual / Textual Politics* / Toril Moi // London and New York: Routledge, 2001. – 221 p.
7. Nicholson L. *Identity Before Identity Politics* / Linda Nicholson. – Cambridge University Press, 2008. – 202 p.
8. Иглтон Т. Капитализм, модернизм и постмодернизм / Терри Иглтон. – Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 344 с.
9. Кравченко С. А. *Словарь новейшей социологической лексики* / Сергей Александрович Кравченко. – М.: «МГИМО-Университет», 2011. – 408 с.